

Викторианские представления о демократизации общества: избирательный проект Джона Стюарта Милля.

Викторианская эпоха английской истории - это, помимо всего прочего, период ожесточенных споров о будущем развитии политического строя страны. Индустриальный прогресс вывел из политической тени огромные массы рабочих, крестьян, которые стали активно требовать себе избирательные права. В той или иной степени агитация за реформирование избирательного права продолжалась уже с конца XVIII в. Беспорядки по поводу принятия реформы 1832 г., чартистское движение вживе напоминали политическим и общественным деятелям Англии, что вопрос расширения избирательного права и даже шире грядущей демократии нельзя сбрасывать со счетов.

Национальный доход за викторианский период возрос от 550 млн. фунтов в 1851 г. до более миллиона в 1880-х гг. и достиг в 1910-х гг. более 2 миллионов. То есть за шестьдесят лет, принимая во внимание непрерывный рост населения, уровень дохода на человека изменился с 20 фунтов до 50 /1/, увеличилось количество собственников и налогоплательщиков, возрос общий интеллектуальный уровень рабочих. Еще в 1842 г. Элизабет Гаскелл в своем романе «Мэри Бартон» писала: «В Олдэме есть ткачи, обычные ткачи, на ткацком станке которых лежат «Принципы» Ньютона. Математические проблемы изучаются с неослабевающим интересом обыкновенными грубыми рабочими. Еще более удивительно, что среди этого класса можно найти преданных последователей естественных наук. Среди них есть ботаники, хорошо знакомые с классификацией Линнея, которые знают имя и место обитания каждого растения на расстоянии одного дня пути от их дома; которые тратят все выходные, чтобы посмотреть, как расцветает цветок. Среди них есть энтомологи, охотящиеся с неуклюжей сеткой на крылатых насекомых - практичные, проницательные, трудолюбивые люди,

с подлинным научным азартом к каждой детали этого мира» /2/. Естественно, что в подобных условиях оставаться непричастными к управлению государством широкие массы не могли и не хотели. Как говорил радикал Джон Брайт в своей речи 1864 г., пропагандист пусть и не всеобщего, но расширения избирательного права, подводя некий итог, суммируя те причины, по которым велась пропаганда демократии, «если только мы не готовы сказать, что Английская Конституция никогда не имела склонности к представительному правлению, что никто не имеет права рассчитывать на долю управления делами страны, кроме маленького, но могущественного и богатого класса, воздействующего на еще меньшую долю среднего класса, и что правительство должно быть передано им для решения их собственных нужд, если только мы не готовы сказать все это, то не имеем права называть себя свободными людьми в свободной стране» /3/.

Процесс демократизации страны не мог не вызвать ожесточенной дискуссии. Различные стороны по-разному анализировали это процесс, в публицистике можно было найти множество различных точек зрения на демократизацию общества. Пропагандисты расширения избирательного права, естественно, всегда придерживались оптимистического взгляда на дальнейшее развитие общества. Они обличали современное им государство, указывали на то, что граждане Англии соблюдают законы, выплачивают налоги и защищают ее на поле боя, но, тем не менее, остаются вне конституционного пространства. Как писал У. Адамс в своем трактате «Аргументы к всеобщему избирательному праву», «требование от людей согласиться с такими условиями и обязанностями без возможности активно участвовать в создании этих самых условий и обязанностей, приводит не к соглашению с государством, а просто к пассивному подчинению» /4/. В демократической прессе зачастую раздавалась достаточно жесткая критика в адрес современных агитаторам викторианского общества, в которой говорилось о том, что «государственные учреждения Англии разрушаются под весом прогнивших внутренностей, со своей «раздутой» церковной органи-

зацией, заносчивой, жадной, невежественной и эгоистичной наследственной аристократией, завладевшими всем землевладельцами и нелепым, помпезным и показным судом» /5/.

Противоположный лагерь, критиков грядущего «царства демократии», также не оставался в долгу. Антидемократическая публицистика в течение всего периода викторианской истории всегда находилась на высоте, она приобретала различные формы и если в 1840 - 1860-х гг. основной тон задавала эмоциональная полемика Карлейля, тон которой впоследствии подхватил Джон Раскин и которая в полную силу отразилась в корпусе антидемократических речей Роберта Лоу, произнесенных в разгар полемики по поводу парламентской реформы 1867 г., то после этого антидемократическая критика приобрела вполне научную форму в трудах Джеймса Фицджерейса Стивена, Генри Мэйна или Уильяма Лекки. Оглядываясь назад, трудно сказать, что критика демократического государственного устройства оказалась просто консервативными страхами перед будущим и сожалением по поводу на глазах разрушающегося старого иерархического общества. Во многом те, кто писал о негативных последствиях демократии, оказались правы, и когда говорили о парцелляции власти, и о засилии новой, популярной культуры и о власти большинства. Но, и в этом беда любого подлинного консерватизма, у них не оказалось какой-либо позитивной программы, которая как-то смогла бы заменить критикуемые ими явления.

Даже в начале своего «пути пророка» в социально критических работах, посвященных вопросу о «состоянии Англии», Карлейль писал, что «над человеком всегда стоят высшие, существует обычная иерархия» /6/, а в «Памфлетах последнего дня» пришел к идее о регламентации труда и превращении рабочих в неких солдат на фабриках, за что уже от исследователя 30-х гг. XX в. Бенджамина Липпинкота заслужил обвинение в фашизме /7/. Раскин всю жизнь грезил о некоем аристократическом обществе, и писал о необходимости подчинения и благости авторитарной власти, о том, что свобода выбора раз-

рушает жизнь и силу /8/. Генри Мэйн после обличительной критики демократии и народного государства пишет, что «История - это совершенная аристократия. Прогресс человечества происходит под воздействием восхода и падения аристократий» /9/. Уильям Лекки в 1899 г. в «Демократии и свободе» как некое совершенное государство представлял Англию в период от 1832 до 1867 гг., полностью отказываясь хоть как-то принимать нововведения и изменения, произошедшие практически за полвека /10/.

Как отмечает Эрик Хобсбаум, «подлинная оппозиция («правые») вышла из рядов тех, кто сопротивлялся «силам истории», независимо от аргументов. Все, к чему они стремились должно было приостановить или даже просто замедлить угрожающий прогресс настоящего» /11/. В этом заключалась их слабость, так как именно в консервативном лагере были созданы работы, в которых были предсказаны основные слабости будущего развития государства, в полный рост проявившиеся уже в XX веке, но высокомерный тон, отсутствие хоть каких-то идей как действовать именно в сложившейся ситуации, а не с тоской взирать на уже уходящее прошлое не позволили консервативным мыслителям повлиять на развитие страны, а иногда, как в случае с речами Роберта Лоу в прениях по поводу проекта избирательной реформы Дерби - Дизраэли, достигали совершенно противоположного эффекта, подхлестнув демократическую агитацию даже со стороны умеренных представителей сторонников расширения избирательного права /12/.

На фоне этой дискуссии позиция Джона Стюарта Милля представляется двойственной. Его сложно назвать консервативом, но также невозможно назвать неоспоримым сторонником демократии. В своих работах, посвященных развитию человеческого общества под воздействием ширящейся демократизации, Милль занимает среднюю позицию, которая на фоне безоглядного оптимизма сторонников и мрачного, бесперспективного видения противников, выглядит достаточно конструктивно. Его электоральные проекты заслуживают отдельного рас-

смотрения, так как несмотря на их некоторую схематичность и определенную наивность, предложения Милля по избирательной реформе представляли собой альтернативу существующим программам избирательного права.

Как приверженец утилитаризма и идей Иеремии Бентама, Милль в начале своей карьеры был поборником новых социальных идей, расширения избирательного права, введения всеобщего образования, оппозиции официальной церкви и свободы прессы. Будучи сторонником философского радикализма в 1830-х гг., он поддерживал проекты многих реформ, инициированных этой группой интеллектуалов: тайного голосования, трехгодичных парламентов, публичности парламентских заседаний, оплаты труда членов парламента и вообще мечтал о профессионализации парламентариев. Милль также выдвинул радикальный проект по реформированию Палаты Лордов, предложив отменить принцип наследования и ввести выборность лордов из Палаты Общин /13/.

Но даже тогда его взгляды на демократию представляли собой далеко не простую картину. Уже в статье 1835 г. «Причина представительства» Милль пишет, что «мы должны с осторожностью рассматривать каждое расширение избирательного права», связывая это прежде всего с недостаточным уровнем образования населения страны. Далее он говорит, что избиратели не могут контролировать тех, кого они избирают, не могут сковывать их четкими условиями своих инструкций. Здесь Милль проводит параллель с врачом: люди могут компетентно выбрать того или иного врача для лечения болезни, но они не могут предложить другого варианта исцеления, так как просто неспособны понять, в чем причина недуга /14/.

В дальнейшем Милль уточнил свое понимание демократии и основной угрозы, исходящей от нее, в своих рецензиях на «Демократию в Америке» Алексиса де Токвиля. Здесь в очередной раз проявилось отличие Милля от обычных критиков демократии. При в остальном хвалебной оценке труда французского историка, в некоторых моментах Милль с ним серьезно разо-

шелся. В частности стандартное превознесение Токвилем аристократии вызвало у его английского рецензента неприятие, также как и идея о непоследовательности законодательной деятельности, якобы, согласно Токвилю, присущей исключительно демократическому правлению. «Говоря о благоразумии и умеренности аристократических правительств, как и об их общих характеристиках, наш автор, мы думаем, исходил из недостаточного знания фактов, на которых основано данное заключение. Единственную последовательность, которую аристократия никогда не забывает проявлять, так это приверженность к своим собственным привилегиям. Демократия также всегда отстаивает максимы своего вида правления. В остальном, мнение правящего класса также подвержено колебаниям, также находится во власти случайных импульсов, как и мнение народа. Посмотрим на английскую историю. Все наши законы созданы на основе временных импульсов. В какой вообще стране существует законодательство, которое направлено к некоей постоянной и последовательной цели, если, конечно, не считать постоянного прибавления власти и привилегий богатым?» Далее он продолжает: «Нормальная аристократия, также как и демократия, имеет единственный шанс на создание умеренного и мудрого правительства. Он заключается не в мудрости аристократий или демократий как таковых, но в их готовности подчиниться мудрейшим среди них. Принимая во внимание то, сколько раз такое желание изъясняла английская аристократия на всем протяжении нашей истории, демократии будет очень сложно проявить эту готовность еще меньше» /15/. Здесь проявилась мечта Милля не о демократии, с которой его зачастую ассоциируют, и не о аристократии, которую он, как утилитарист, всегда рассматривал с известным скепсисом, но о правлении профессионалов, которых народ будет избирать, исходя из того, насколько четко они будут справляться с поставленными перед государством проблемами. Подобное видение проблемы далеко даже от отдаленного подобия реальности и характерна, прежде всего, для рационалистических построений

отца Милля, Джеймса Милля, и Иеремии Бентама, с его бездушными автоматами, вычисляющими максимальное счастье для максимального числа людей. В дальнейшем Джон Стюарт Милль пересмотрит это схематичное построение, но вера в силу индивидуальности, в профессионализм и оценку не по родству и наследственности, не по деньгам, а по способностям, останется с ним до самой смерти.

Несмотря на некоторые разногласия с Токвилем в вопросах достоинства аристократии и влияния демократии на стандартизацию населения, в главном пункте критики Токвиля, а именно, во всеилии голоса большинства в Америке, Милль был с ним согласен. Как писал сам Токвиль, «большинство в Соединенных Штатах оказывает огромное влияние как на дела, так и на мысли. Когда оно выступает за что-либо, можно сказать, что никакая сила не в состоянии не только остановить его, но и замедлить его движение и дать ему возможность услышать тех, кого оно походя уничтожает. <...> Располагая как материальной, так и моральной силой, оно не только пресекает какие-либо действия, но, воздействуя на волю, может лишить желаний действовать» /16/. Эта власть большинства стала для Милля самой большой опасностью, которая заключена в демократии, той самой чертой, которая, по его мнению, в некотором смысле роднит ее с современным ему строем. Как в первой половине XIX в. невозможно было услышать мнение определенных слоев населения, потому что им не давали голоса, так и в царстве грядущей демократии, власти простого большинства, невозможно будет учесть мнение меньшинств, так как его просто не будет слышно, а со временем, под воздействием постоянного давления со стороны инертных масс, оно просто исчезнет. Милль всегда рассматривал индивидуальность как высшую ценность человека: только в единении различных мнений, полностью отличных друг от друга, способна родиться некая гипотетическая единственно верная истина, которой и должно руководствоваться обществу. При доминировании какой-то одной точки зрения, в силу ли просто численного боль-

шинства ее сторонников, или же их привилегированного положения, истина не сможет родиться. Человечество всегда будет двигаться по неправильному пути, ведущему к неправильной цели.

Следующим произведением, в котором Милль также поставил вопросы о развитии демократии, стала его обширная статья «Цивилизация». Его взгляд на развитие современной цивилизации мрачен: «Когда массы становятся могущественными, индивидуум или группа индивидуумов не могут совершить ничего значительного, не влияя на массы, а это с каждым днем становится все труднее из-за постоянно растущего числа тех, кто соревнуется за общественное внимание. Наше мнение, таким образом, заключается в том, что с естественным ростом цивилизации власть переходит от индивидуумов к массам, и значимость индивидуумов, по сравнению с массами, становится все менее и менее важной». Так еще в 1836 г. Милль в небольшой статье охарактеризовал то, чему впоследствии многостраничные произведения посвятят Освальд Шпенглер, Хосе Ортега-и-Гассет и Николай Бердяев. Но для нас в «Цивилизации» важнее другое. Несмотря на столь пессимистическое отношение к будущему цивилизации, Милль пишет о том, что демократия неизбежна: «Триумф демократии, или, иными словами, государства общественного мнения, не зависит от мнения отдельного человека или группы людей, уверенных, что она должна победить. Он зависит от естественных законов прогресса богатства, распространения знания и увеличения возможностей человеческого общения». В подобной ситуации существуют, согласно Миллю, две линии поведения, которых может придерживаться рациональный человек. Если он считает, что массы готовы, то способствует продвижению дела демократии, если же считает массы не готовыми, то придержит это продвижение, но в тоже время употребит все свои силы, чтобы, с одной стороны, сделать массы лучше и мудрее, а, с другой стороны, «пробудит дремлющую энергию состоятельных и образованных классов, снабдит молодежь этих классов глубоким и ценным знанием,

призовет все индивидуальное величие, которое существует или может быть создано в стране, чтобы создать силу, способную хоть частично соревноваться с всеилием масс» /17/. Следом Милль задает вопрос, хотят ли викторианские консерваторы, препятствуя развитию демократии, просто приготовить людей к более мудрому принятию представительного правления. И отвечает на него достаточно жестко и безапелляционно: «Тори, по крайней мере, те, что связаны с кабинетом и парламентом, не желают иметь хорошие государственные институты, или даже сохранить ныне существующие; их цель - просто извлечь из них выгоду, пока те существуют» /18/.

Таким образом, в мировоззрении Милля сплелись воедино две противоречащие друг другу тенденции. С одной стороны, он боялся грядущего массового общества, где не будет возможности проявиться частному мнению, а любое изъяснения своей воля будет жестоко караться, даже не на государственном уровне, а, если так можно выразиться, на бытовом. При той направленности демократизации общества, которую Милль видел в окружающей его викторианской действительности, он прогнозировал приход во власть огромной массы в основном до сих пор элементарно необразованных избирателей, которыми будут манипулировать демагоги. С другой стороны, Милль воспринимал демократию как объективную данность исторического процесса, по его мнению, ее приход можно только затормозить, искусственно остановить на какое-то время, но подобное отношение только лишней раз даст повод к приходу стихийной неконтролируемой демократии, в которой образованным элитам, способным улучшить массы, воспитать их, просто не будет места. Он постоянно ощущает, что драгоценное время уже упущено, и в те редкие мгновения, когда в его книгах из-за логических построений показывается эмоция, тон Милля горек: «Величие Англии сейчас полностью коллективно, индивидуально малые, мы способны на что-то великое только собравшись вместе; и этим наши моральные и религиозные филантропы полностью удовлетворены. Но люди совершенно другой закалки

сделали Англию тем, чем она является сейчас; и люди другой породы понадобятся, чтобы предотвратить ее закат» /19/.

Таким образом, в своих политических трактатах и статьях Милль старался выработать программу действий, которая бы нивелировала негативные последствия демократизации, но и способствовала продвижению истинной демократии, то есть той, где бы учитывалось каждое мнение, неважно, большинства ли, или меньшинства.

В 1859 г., после двадцати лет плодотворной теоретической деятельности, в год опубликования своего, наверное, самого главного сочинения, трактата «О свободе», Милль написал небольшую статью «Размышления о парламентской реформе». В ней он впервые в полной мере заговорил о конкретном реформировании и путях развития викторианского общества. Для начала он говорит, что каждый взрослый в любой системе представительства, считающейся совершенной, должен посредством всеобщего избирательного права влиять на управление общественными делами. И здесь дело даже не в некоем абстрактном историческом законе, а в том, что «человек, исключенный из участия в общественных делах, не может считаться гражданином. У него просто нет чувств гражданина. В современности активное участие в политической жизни - это та самая вещь, которая возвышает разум до подлинно великих дел и размышлений» /20/.

Таким образом, Милль отстаивает необходимость всеобщего избирательного права, но дальше вступают в действие его стремление оградить английское общество от господства масс. Милль утверждает, что не все должны иметь одинаковый голос, создавая свою концепцию множественного голоса, основанного на природном неравенстве людей. В отличие от множества авторов консервативного толка фактор неравенства английский позитивист привязывает не к каким-то изначально данным условиям, вроде рождения, наследственности или финансового достатка, а к состоянию образованности того или другого индивидуума. Человек, умеющий читать и писать, не может

быть равен полностью необразованному, а получивший систематическое образование не равен просто умеющему читать. Соответственно, система Милля проста: в стране вводится всеобщее избирательное право, обыкновенный неквалифицированный рабочий, например сельский батрак, получает соответственно один голос. Квалифицированный рабочий, чьи занятия подразумевают знания «неких законов внешнего мира» получает два голоса. Мастер, или управляющий получает три. Фермер, промышленник или торговец имеет три или четыре голоса. Люди, занимающиеся профессией, которая требует длительного и систематического умственного совершенствования, то есть, по мнению Милля, «юристы, врачи, духовные лица, писатели, художники, чиновники (то есть, члены любой интеллектуальной профессии, требующей каких-либо квалификационных экзаменов)» получают пять или шесть голосов. Выпускник любого университета или же член любого научного общества получают столько же. Сертификат об образовании в любом государственно-признанном образовательном учреждении также дает право на несколько голосов. К тому же по всей стране должна быть создана система комиссий, которые бы принимали экзамены, если человек захочет повысить свой электоральный статус /21/.

Подобная система позволила бы, согласно Миллю, уравновесить ту массу необразованных людей, которые смогли бы прийти к власти в случае введения в стране всеобщего избирательного права. Еще одним плюсом подобной системы был бы постоянный стимул для населения, с одной стороны, получать образование, которое бы тут же воплощалось в увеличении избирательных голосов, а не в неких абстрактных преимуществах доступа к культуре, а, с другой стороны, заинтересовать население политикой, осознанно сосредоточить их внимание на вопросах управления страной. Более того, именно подобный проект мог воплотить давнюю мечту Милля, а именно, создать правительство профессионалов и передать главные рычаги управления самым высоко образованным членам общества.

Как минимум, Милль предлагал ввести образовательный ценз: проверять умеет ли голосующий читать, писать или считать путем элементарного теста.

Интересно сопоставить, насколько изменились взгляды Милля, когда спустя два года он разрабатывал те же идеи в своем трактате «Размышления о представительном правлении». От теоретического заявления Милль перешел к конкретизации, в результате прежде достаточно стройный проект оброс массой подробностей, которые бы точно не устроили даже не законодателей, а тех англичан, которые стали бы объектами подобной избирательной реформы.

Возникли новые цензы. Наряду с проверкой навыков чтения, письма и арифметики (Милль из лучших чувств хотел бы конечно проверить еще и знание английской истории, государственных институтов, а также строения Земли и естественной истории, но понял, что это повлекло бы за собой «пристрастность, крючкотворство и дало бы почву для различных видов подтасовки» /22/), он предлагал лишить избирательного права всех жителей страны, не платящих налогов, вплоть до введения специального налога на участие в выборах, а также временно лишать избирательного права всех банкротов, должников и неработающих граждан. В этом отношении нельзя не повторить вслед за одним из биографов Милля, что подобное решение, как и мнение о том «рабочая занятость [в викторианской Англии] всегда была доступна, балансировало на грани преднамеренного невежества, подчинения фактов исходным предпосылкам экономической теории» /23/.

Основная мысль осталась прежней: множественность голосов на основе степени образованности избирателей. Сам Милль говорил, что «еще не пришло время для практической стороны подобных планов. Но для меня очевидно, что именно в этом направлении лежит реализация идеала представительного правления» /24/. С некоторым сожалением он писал о том, что в современной ему Англии нет хотя бы какого-то подобия образования, или общей надежной системы оценки образован-

ности населения, поэтому в качестве временной замены предлагал довольно странную систему, где множественность голосов зависит от профессиональной занятости голосующего. Конечно, подобное предложение уже звучало и в предыдущем памфлете, но тут оно выступило на передний план. Трудно сказать, чем, кроме типичных викторианских стереотипов, руководствовался Милль, когда приписывал банкирам большее количество знаний и образованности, чем промышленникам, а руководителей ставил безоговорочно выше по уровню образованности, чем профессиональных, высококвалифицированных рабочих.

Необходимо отметить, что вопрос о множественности голосов к моменту создания «Размышлений о представительном правлении» отступил для Милля на второй план. Он стал сторонником плана Томаса Хэйра, который, по его мнению, полностью решал проблему представительства меньшинств в правительстве. Согласно этому плану каждый избиратель мог составить или свой список кандидатов, или выбрать несколько фамилий из уже представленного списка, соответственно, расположив первым того, кого он выбирает в первую очередь, вторым того, кого предпочел бы во вторую и так далее, причем выбирать для себя кандидатов голосующий может не только из того района, где он проживает (как это делается сейчас), но и по всей стране, то есть именно того, кого хочет. Для прохождения в парламент устанавливается определенная квота голосов, соответственно лишнее число голосов кандидата, набравшего положенное количество, снова уходит обратно и передается соответственно второму по списку. Таким образом, согласно Миллю и Хэйру, в парламенте будут представлены все интересы населения, так как, по их мнению, именно меньшинства будут наиболее активны в поиске того кандидата, который наиболее соответствует их интересам /25/.

Все эти системы с множеством голосов, с множеством различных условий для человека XXI в. неизмеримо сложны и всерьез не воспринимаются. Например, историк XX в. с большим удовольствием поясняет, что у современных политологов

совершенно другое представление о сущности демократии, или о ее целях. Как он пишет, «мы все, прежде всего, хотим хоть какое-то правительство, и упрощение выбора избирателя, следовательно альтернативе между кандидатами от двух довольно одинаковых партий, - это справедливая цена за эффективное управление» /26/.

Выборная система Милля же влекла за собой кардинальное изменение не только общества, но и самой психологии этого общества. Конечно, в первую очередь он заботился о том, чтобы грядущее английское общество не захлестнула власть большинства, чтобы «не открылись ворота, ведущие на голую, плоскую равнину, где каждый муравейник - это гора, а каждый куст чертополоха - это высокое дерево» /27/. Эти слова принадлежат Роберту Лоу, идейному противнику Милля, но, несомненно, нечто подобное представало и перед глазами автора «Размышлений о представительном правлении». Система Милля в идеале создавала совершенно иной подход к самому процессу выборов, воспитывала в избирателе интерес к выбору кандидатов, к самим политическим движениям, проходящим в стране, не делала граждан пассивными наблюдателями, нужными общему политическому процессу только на краткий период предвыборной агитации.

Более того, во многом (и это нельзя не признать) утопическая система Милля отвечала запросам своего времени. Она была умеренной, учитывала интерес правящих классов, сохраняла иерархическую структуру общества с его делением на высших и низших, имела практическую, утилитарную сторону, сопрягая любое теоретическое знание с повседневной политикой, но одновременно потенциально могла воспитывать в человеке стремление к совершенству, к получению знаний, образования не на чисто абстрактном или меркантильном уровне, как это во многом происходит сейчас, а на уровне изменения статуса в обществе.

Следует отметить, сам Милль писал, что систему «множественности голосов не при каких обстоятельствах нельзя до-

водить до той степени, чтобы те, кто стал благодаря ей привилегированным слоем общества, или тот класс (если таковой будет), к которому они в основном принадлежат, с ее помощью перевесили бы все остальное общество. Правильное само по себе различие, говорящее в пользу образования, крайне необходимо для сохранения образованных от классового законодательства необразованных; но оно должно тут же прекращаться, если образованные начинают сами применять классовое законодательство. Я хочу также добавить, что для подобной схемы совершенно необходимо, чтобы даже самый бедный член общества мог предъявить претензию на привилегии, если он сможет доказать, несмотря на все препятствия и обстоятельства, что с точки зрения развития разума имеет на нее право. Должна быть создана система добровольных экзаменов, на которых любой человек может показать, что у него есть необходимый уровень знаний и способностей, и после этого будет допущен к множественности голосов» /28/. Здесь особенно характерна фраза о «препятствиях и обстоятельствах», хотя Миллю всегда была свойственна некая идеалистичность, на что не раз указывал, например, его критик Джеймс Фицджеральд Стивен, и он вполне мог думать, что подобная система экзаменов действительно могла бы работать в тех условиях по всей стране и позволять бедному населению повышать статус и количество имеющих в их распоряжении голосов.

С высоты современных представлений трудно назвать Джона Стюарта Милля либералом, так как подобная иерархическая выборная система совершенно не вписывается в современные представления о демократии. Но назвать его консерватором также крайне сложно, достаточно вспомнить о его глубоком недоверии к аристократии, официальной церкви, его последовательную защиту прав женщин, столь нехарактерную для Англии середины XIX в. Здесь перед нами специфически викторианский вариант либерализма, который исходил не из ценностей свободы слова, печати, собраний, всеобщего избирательного права или свободного рынка как таковых, а рассмат-

ривал их только как средства для достижения некоей абсолютной истины, что в своем отрицательном проявлении нередко переходило в жесточайший догматизм, так как ошибочный взгляд или просто отличающийся от того что, один из участников дискуссии считал единственно правильным, делал в его глазах оппонента как минимум заблуждающимся, а как максимум глубоко порочным человеком /29/. Отправной точкой всех электоральных построений Милля была именно попытка представить в правительстве максимальное количество точек зрения, существующих в стране по тому или иному вопросу. И подобный подход, по его мнению, накладывал на избирателя, да и на любого человека еще одно обязательство: он должен был внятно и четко отстаивать свою позицию, не скрывая ее и не боясь осуждения. Именно с этой стороны надо рассматривать достаточно неожиданную точку зрения Милля на саму процедуру голосования. По его проекту она должна была быть открытой, так как для Милля голос - это, прежде всего, не право, а обязанность, это не оружие человека в борьбе с политиками, которым он может поставить их на место, всегда оставаясь при собственном мнении, а метод улучшения общества. Согласно воззрениям Милля, когда человек голосует, он делает это, прежде всего, не для себя, а для других. То есть, «когда собственные предпочтения избирателя приводят его к плохому, только ощущение ответственности перед другими, может вывести его на правильный путь, и в этом случае не секретность, а публичность голоса должна стать правилом». Далее он продолжает: «если одной из целей национального образования является именно поощрение храбрости и общественного духа, то сейчас самое время учить людей отстаивать и открыто заявлять о своих мнениях. Обман во всех своих формах - это всегда признак рабства» /30/.

Нельзя не отметить еще один аспект, из-за которого, по мнению Милля, открытое голосование будет полезным для общества. Он рассматривал его как необходимое средство в борьбе с коррупцией. «Собственные предпочтения» избирателя,

озвученные ранее, это в том числе и его склонность к продаже собственного голоса. «Рост взяточничества, о котором столь много говорилось в дореформенный период [имеется в виду реформа 1832 г.], и распространение этого явления на места, ранее свободные от подобной болезни, свидетельствуют о том, что избиратели теперь голосуют ради собственного благосостояния, а не для других людей» /31/. Таким образом, открытое голосование, согласно взглядам Милля, поможет не допустить подкупа избирателей, так как человек, открыто заявляя перед всей общиной о своем решении, должен будет отдавать отчет в своих действиях, осознавать преемственность и четкость своих взглядов, и на этом фоне любая неожиданная смена политической позиции будет в той или иной степени говорить об открытом подлоге. Хотя для Милля, как истинного викторианского моралиста, дело здесь заключалось даже не в этом, а в том, что люди будут более ответственно подходить к своим решениям, осознавая, что они не останутся тайной.

В борьбе против коррупции Милль предлагал ввести обязательную клятву для всех кандидатов в том, что они не будут тратить на избирательную кампанию сверх положенных законом средств, а также ввести жесткий контроль за их расходованием. Как пишет сам Милль, «политики никогда не пытались бороться с взяточничеством, так как у них никогда и не было желания сделать выборы дешевыми. Дороговизна - это преимущество для тех, кто может позволить себе расходы, которое исключает тем самым все множество претендентов. Политики любят говорить о том, что некоррупцированный электорат - это мечта энтузиастов, и это правда, пока они сами будут коррупцированы. До тех пор пока кандидат, тем или иным образом, покупает себе место, все попытки сделать процесс выборов чем-то, кроме эгоистичной сделки двух сторон, обречены на провал» /32/. Именно в целях противостоять коррупции Милль отвергал идею того, что члены парламента должны получать от государства заработную плату, тем самым стремясь исключить из перспективы политической карьеры финансовую привлека-

тельность, избежать превращения парламентской деятельности в просто прибыльную работу, что вместе с отрицанием тайного голосования столь контрастировало с его взглядами 1830-х гг. Но, понимая, что в таком случае людям без средств путь в политику будет закрыт, Милль предлагает довольно неожиданный выход: «человек без независимых источников дохода... должен во время пребывания в парламенте поддерживаться своими избирателями» /33/. В контексте взглядов Милля такая идея выглядит по меньшей мере странно. Он, много писавший о том, насколько несамостоятелен может быть кандидат от партии, предлагает поставить парламентариев в прямую финансовую зависимость от собственной группы избирателей, тем самым полностью лишая их какой-либо свободы решений. Впрочем, вопрос об открытом процессе голосования в этом отношении тоже выглядит весьма непоследовательно, словно Милль забыл о той самой власти большинства, о которой так много писал и с которой предлагал бороться непосредственно на государственном уровне.

Пожалуй, нигде, как в вопросе тайного голосования и борьбе против коррупции не проявилось так ярко сущность всех политических воззрений Милля, которые были не практическими, не исходили из конкретной обстановки, а существовали в некоей морально-этической плоскости, в этом отношении имея много общего с сочинениями консерваторов. Как и многие мыслители утилитарно-рационалистского направления, Милль справедливо оценивал недостатки современной ему системы управления, но при построении своих собственных проектов он словно переставал иметь в виду непосредственный политический процесс, заменяя его жесткой схемой, а в поступках людей замечать очевидную иррациональность, желая видеть в качестве избирателей логические вычислители наибольшей пользы для общества.

Идеи Милля не имели большого успеха. Его трактаты были довольно хорошо приняты современниками, но уже в год выхода «Мыслей о парламентской реформе» в письме к Джону

Элиоту Кэйрнсу Милль писал, что предложение о множественности голосов - это не срочно необходимая мера, а скорее «образец теоретического превосходства» /35/, а после выхода «Размышлений о представительном правлении» в своем письме Генри Тэйлору говорил: «Мои размышления - это приготовления для тех времен, когда движение за органическое изменение наберет силу, только тогда они станут ценны. Пока же, поддерживая веру в возможности улучшения, они скорее смиряют, а не поощряют рвение к немедленным и преждевременным изменениям фундаментального характера» /36/. Трудно сказать, было ли это изначальное желание Милля, или же оправдание, когда он понял, что его идеи не находят никакого практического отражения, и если в этом отношении «Размышления о представительном правлении» можно назвать чисто теоретическим трактатом, то «Мысли о парламентской реформе» несут в себе все признаки непосредственной программы реформ.

Электоральные проекты Милля не могли иметь успеха в политических кругах. За своими построениями и опасениями власти большинства Милль не заметил определенного сдвига в политическом климате Англии, не почувствовал, как в глазах многих политиков рабочие из тех, кто в случае, если им доверят управление государством, «разорят каждого человека в королевстве, у которого есть хорошее пальто на плечах и добротная крыша над головой» /37/, превратились в довольно консервативную часть населения, на чувствах уважения которой к аристократии и власть предержащим будет вскоре построено здание «Английской конституции» Уолтера Бэджета. Прошедшее Сипайское восстание и Крымская война показали и консерваторам, и либералам, что политические митинги чартистов превратились в патриотические демонстрации, а даже самые популярные радикальные лидеры, выступавшие против Крымской войны, подвергались жесточайшему осмеянию. Сожжение портрета Джона Брайта на улицах его родного Манчестера запомнилось многим, также как и сокрушительное поражение на выборах Кобдена и Брайта на фоне общей военной экзальтации.

Воинственные толпы, одержимые социалистическими идеями, словно сошедшие со страниц «Французской революции» Томаса Карлейля, которые казались правительству и многим викторианцам угрозой в 1840-х гг., превратились в материал для дальнейшей партийной политики. Как писал исследователь творчества Милля Александр Брэйди в предисловии к политическим сочинениям английского позитивиста, «в то время как Милль отстаивал новую избирательную систему, партийные руководители уже начали постепенно изменять организацию двух главных партий, делая их послушными и эффективными инструментами для формирования политики и выигрыша на выборах. Для них избирательные идеи Милля и Хэйра казались слишком революционными, слишком сложными, к тому же они делали будущее этих партий слишком неопределенным» /38/.

Избирательный проект Милля с исторической точки зрения интересен, прежде всего, как попытка найти некий средний путь между скептицизмом консерваторов, оптимизмом радикалов и прагматичностью большей части викторианских политиков, создавших поздневикторианскую Англию, вроде Бенджамина Дизраэли или Уильяма Гладстона. Это уникальный проект, где совершенствование, непрерывное познание окружающего мира в виде его политических процессов введено в самую структуру государства. Одновременно он представляет собой попытку создать на основе демократических идей, всеобщего избирательного права подлинно викторианскую меритократию, изощренно иерархическое здание, где сложность, и одновременно четкость взаимоотношений между различными социальными группами, сама система с множественностью голосов препятствовали бы упрощению общества, как с социальной точки зрения, так и с культурной. Ведь именно упрощения так боялось большинство викторианских интеллектуалов 50 - 60-х гг. XIX в., и именно его они так и не смогли предотвратить.

1. Mathias P. The First Industrial Nation: An Economic History of

- Britain, 1700 - 1914. L.: Methuen & Co, Ltd, 1978. P. 375.
2. Gaskell E. Mary Barton. L., 1905. P. 105
 3. Bright J. Selected Speeches of the Right Honorable John Bright, M. P., on Public Questions. L.: J. M. Dent & Co, 1869. P. 263 - 264.
 4. Hall C., McClelland K., Rendall J. Defining the Victorian Nation: Class, Race, Gender and the Reform Act of 1867. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 92.
 5. Ibid. P. 93.
 6. Carlyle T. Chartism. Boston: Charles S. Little and James Brown, 1840. P. 94.
 7. Lippincott B. J. Victorian Critics of Democracy: Carlyle, Ruskin, Arnold, Stephen, Maine, Lecky. Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1938. P. 47.
 8. John Ruskin. Time and Tide. Letter XXV.
 9. Henry Maine. Popular Government: Four Essays. L.: John Murray, 1886. P. 42.
 10. Lecky W. E. H. Democracy and Liberty. Indianapolis: Liberty Fund, 1981. P. 20.
 11. Хобсбаум Э. Век капитала: 1848 - 1875. / Пер. с англ. Горяйновой Т. и Белоножко В. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 149.
 12. Подробнее об этом см.: Robert Lowe and the Fear of Democracy/Briggs A. Victorian People: A Reassessment of Persons and Themes, 1851 - 1867. L.: Penguin Books, 1975.
 13. Подробнее о деятельности Милля в контексте движения философских радикалов см.: Hamburger J. Intellectuals in Politics: John Stuart Mill and Philosophic Radicals. New Haven and London: Yale University Press, 1965.
 14. Mill J. S. Rationale of Representation / Collected Works. Toronto: Routledge & Kegan Paul, 1977. Vol. XVIII. P. 32, 40.
 15. Mill J. S. De Tocqueville «On Democracy in America». / Collected Works. Vol. XVIII. P. 78-79.
 16. Токвиль де А. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000. С. 195, 197.
 17. Mill J. S. Civilization. / Collected Works. Vol. XVIII. P. 127.
 18. Ibid. P. 128.
 19. Mill J. S. On liberty. / Collected Works. Vol. XVIII. P. 272.
 20. Mill J. S. Thoughts on Parliamentary Reform. / Collected Works. Vol. XIX. P. 322
 21. Ibid. P. 324 - 325.
 22. Mill J. S. Considerations of Representative Government. / Collected Works. Vol. XIX. P. 471.
 23. Ryan A. J. S. Mill. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974. P. 211.
 24. Mill J. S. Considerations of Representative Government. P. 475.
 25. Подробно о проекте Хэйра см.: Hare T. Treatise on the Election of Representatives. L., 1859; Mill J. S. Recent Writers on Reform. / Collected Works. Vol. XIX. P. 358 - 370; Of True and False Democracy: Representation of All and Representation of Majority Only. / Considerations of Representative Government.
 26. Ryan A. Op. cit. P. 207.
 27. Цит. по: Briggs A. Op. cit. P. 250.
 28. Mill J. S. Considerations of Representative Government. P. 476.
 29. Подробнее по этому вопросу см.: Houghton W. E. Dogmatism. /The Victorian Frame of Mind. L.: Oxford University Press, 1957.
 30. Mill J. S. Thoughts on Parliamentary Reform. P. 331, 337.
 31. Ibid. P. 333.
 32. Mill J. S. Considerations of Representative Government. P. 497 - 498.
 33. Ibid. P. 500.
 34. Ibid. P. 493.
 35. Mill J. S. The Letter to John Elliot Cairnes. March 2, 1859. / Collected Works. Vol. XV. Toronto: University of Toronto Press, 1972. P. 596.
 36. Mill J. S. The letter to Henry Taylor. July 5th, 1861. P. 731.
 37. Macaulay T. B. The People's Charter. A Speech Delivered in the House of Commons on the 3rd of May, 1842. / Miscellaneous Works, in 5 vol. vol. NY: Harper & Brothers, 1880. Vol. 5. P. 259.
 38. Brady A. Introduction. / Mill J. S. Collected Works. Vol. XVIII. P. XXXV.